

Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 549 – 562. *Силантьев И.В.* Газета и роман. Риторика дискурсных смещений. – М.: Языки славянской культуры, 2006. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977. С. 31 – 285. *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. *Habermas J.* Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns // Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. – 3. Aufl. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verl., 1989. - S. 571 – 606.

МАСЛЕННИКОВ И.С.
(Запорожский нац. ун-т)

КОРРЕЛЯЦИЯ ЭМОТИВНОГО ДИСКУРСА И ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ОБЩЕНИИ

In the article the theoretical review of such concepts as emotive discourse and feedback is submitted. The main features and peculiarities are described and also an attempt to compare these two concepts and find some generalities is made. Moreover speaker's emotional states and his/her attitude to reality are studied.

Key words: *emotive discourse, feedback, correlation, addressee, addresser.*

Постановка проблемы. В последние годы в рамках когнитивной парадигмы значительно возросло внимание исследователей к проблеме, затрагивающей интересы одного из новых направлений лингвистики – эмотологии (или лингвистики эмоций), сфера изучения которой охватывает аффективную культуру речевого поведения в обществе, эмоциональную компетенцию, игру эмоциональных смыслов, лексико-прагматических средств языка как во внутрикультурном, так и в межкультурном общении (В.И. Шаховский, А. Вежбицкая, Д. Кайтмазова). Новейший аспект этого направления, разрабатываемый в последние годы как в отечественном, так и зарубежном языкознании, – это прагма-семантический аспект эмотивности дискурсивных образований как языковых единиц (высказывание - реплика / шаг / практика - ход - дискурс), включенный в процесс эмоционального освоения регулятивно-коммуникативного пространства в окружающей действительности [Носкова 2006, с. 7-8].

Исследование дискурса является одним из наиболее актуальных направлений современного отечественного и зарубежного языкознания [Карасик 2000, с. 5-20]. Характерной особенностью исследований в этой области является двусторонняя направленность вектора научного анализа в корреляции «дискурс-личность» [Полюжин 2002, с. 141-146], когда через дискурс определяется языковая личность, и наоборот – через языковую личность изучается дискурс – язык в действии, в функционировании.

Цель исследования заключается в соотношении обратной связи со структурой эмотивного дискурса.

Достижение данной цели предполагает решение следующей **задачи**: выявить и проанализировать общие закономерности эмотивного дискурса через призму обратной связи.

Дискурс – интегральное понятие, которое предполагает выделение в его рамках различных типов речевых моделей, характеризующихся специфическими языковыми признаками. Последние обуславливаются сферой общения, его целью, интенциями коммуникантов и другими параметрами. Учитывая важность эмоциональной стороны речевого общения, среди прочих разновидностей дискурса выделяют эмотивный дискурс как особый язык, предназначенный для выражения эмоционального состояния субъекта речи, а также его эмоционального отношения к явлениям действительности.

Целью эмотивного дискурса является трансляция убеждений с целью включения в них собеседника. Данный дискурс избегает метаязыка, обращается к суггестивным ресурсам языка обыденного. Обыденный язык своей природой связан с мифологическими структурами нашего мышления.

Анализ эмотивного дискурса предполагает рассмотрение как его лингвистических, так и экстралингвистических компонентов. К лингвистическим компонентам эмотивного дискурса принадлежат эмотивная лексика, фразеология, эмотивные конструкции, соответствующее эмотивно-просодическое оформление. Экстралингвистические компоненты включают эмоциональную предметную ситуацию (в том числе национально-культурный компонент) и эмоциональную коммуникативную ситуацию, под которой мы понимаем эмоциональную пресуппозицию, эмоциональные намерения коммуникантов и их общий эмоциональный настрой. Исходя из общих лингвокогнитивных основ дискурса [Шевченко 2003, с. 33–38], определим три типа когнитивной информации, которая составляет базу эмотивного дискурса:

1) знания, которые неразрывно связаны с обобщенными представлениями языковой личности об эмоциях. Этот блок знаний организован вокруг отдельных концептов эмоций – «гнев», «удивление», «восхищение» и т.д.;

2) знания о типах речевого поведения, речевых стратегий, путей построения речевых актов, в которых отображается эмоциональная сфера человеческой деятельности;

3) знания собственно лингвистического характера, которые предусматривают владение семантикой и прагматикой эмотивной лексики.

В процессе порождения эмотивного дискурса участвуют все три типа знаний. Они детерминируют конкретные речевые стратегии и выбор языковых средств субъектом речи.

Предметом статьи являются понятия «эмотивный дискурс» и «обратная связь».

Объект – описание понятий «эмотивный дискурс» и «обратная связь» на материале эмоциональной и поведенческой парадигмы в дискурсе.

Мы рассматриваем эмотивный дискурс и его когнитивно-прагматические характеристики как форму реализации языка в динамике текстовой

организации речи в процессе взаимодействия двух уровней: поверхностных речевых структур и глубинных повествовательных структур в рамках абстрактных моделей. Таким образом, эмотивный дискурс представляется, с одной стороны, как эмоциональная речевая деятельность, с другой стороны, как – результат, продукт этой деятельности, законченная повествовательная конструкция взаимосвязанных семиотических уровней производства смысла [Костогладова 2008, с. 80].

Исследование эмотивного дискурса непосредственно связано с характерными особенностями эмотивной лексики, высокая "плотность" которой является его специфическим признаком.

Несмотря на то, что в языке имеются широкие возможности для выражения эмоционального состояния человека, говорящий в реальной коммуникации использует небольшой объем эмотивной лексики, которую он приспособливает для реализации различных интенций. Повторяемость комплекса эмоций, которые переживает человек, обуславливается первоначальными ситуациями их возникновения. Это, в свою очередь, отражается на выборе эмотивных языковых средств, который также становится автоматическим, приобретая следующий вид: стимул → реакция, что находит свое отражение в природе обратной связи.

Если подойти к восприятию человека человеком в аспекте динамики, а не как к одноактному процессу, то важным звеном всей этой системы оказывается механизм обратной связи. Мы имеем в виду получение субъектом восприятия от партнера по общению сведений относительно того, как, каким он воспринят. Обратной связью выступает всякая информация, прямая или косвенная, отсроченная или немедленная, которую человек получает от реципиента (или реципиентов), своего поведения, своего облика, сведений о самом себе. В этом случае воспринимающий выступает как коммуникатор обратной связи, а воспринимаемый — как ее реципиент.

Содержательные и формальные характеристики обратной связи в межличностном восприятии весьма многообразны. С точки зрения содержания, можно выделить следующие три основные ее вида: 1) коммуникатор обратной связи прямо передает, описывает свое восприятие реципиента обратной связи, например: «Я вижу, вы сегодня с румянцем на щеках»; 2) коммуникатор обратной связи высказывает свое отношение, установку к воспринимаемому поведению, например: «Мне нравится, что вы делаете», 3) коммуникатор обратной связи дает интерпретацию воспринимаемому, приписывая, в частности, определенный мотив наблюдаемому поведению, например: «Я полагаю, вы пытаетесь поссорить здесь всех нас».

Формы, принимаемые обратной связью в процессе восприятия человека человеком, также весьма различны. Она может быть вербальной и невербальной, т. е. выражаться в слове или жесте, взгляде, мимическом движении; оценочной (например: «двойка» – за невыученный урок, характеристики – «хороший», «плохой» и др.) и не содержащей оценки: исходящей от конкретного источника (например: «Я считаю, что ты...») или не определяющей источника («По мнению некоторых...»); общей или

специфический применительно к поведению человека (например: «Ну и глупец же ты!»— как вывод из поведения вообще; «Ты слишком чавкаешь за едой»— относится к конкретному поведению); эмоционально окрашенной (например: «Отстань от меня!») и не несущей эмоциональной окраски со стороны коммуникатора (например, надпись на заявлении: «В просьбе отказать») и т. д. [Арутюнян 1981, с. 42-43].

Таким образом, специфика проявления средств обратной связи состоит в том, что наряду с оценочным значением данные средства выполняют также и функцию речевого воздействия на слушающего, реализуя преферентно-оценочные стратегии дискурса. Это проявляется в том, что реципиенту самому отводится активная роль в декодировании скрытой оценочной информации и сигналов обратной связи. Говорящий стимулирует умственную деятельность слушающего, побуждает его к поиску, направляет ход его размышлений. Адресат получает неполную информацию о каком-либо факте, и сам восстанавливает (или хотя бы пытается это сделать) необходимые смысловые звенья.

Полагаем, что на отношение «получателя» информации к ее «отправителю» также влияет и мировоззрение адресата, степень наличия в его сознании фоновых (внеязыковых) знаний, его способность к ассоциативному мышлению. В конечном счете, это формирует эмоциональный уровень восприятия полученной информации, который выражается через разные чувства – недоумение, сочувствие, понимание или иронию.

В современной дискурсивной практике различают два вида эмотивных интенций: эмоциональное выражение чувств и эмоциональное влияние [Пиотровская 1994, с. 22; Шаховский 2002, с. 48]. Соответственно, выделяют высказывания, которые направлены прежде всего на передачу говорящим собственных эмоций, а также высказывания, в которых превалирует иллокутивная цель изменения эмоционального состояния собеседника [Пиотровская 1994, с. 20]. Явное доминирование иллокутивной цели выражения эмоций проявляется в высказываниях, в которых адресант и адресат совпадают: один из видов диалога – «диалог с самим собой» [Вольф 1985, с. 164].

Важно отметить, что неотъемлемой чертой эмотивного дискурса является его эмотивно-просодическое оформление. Характерной особенностью эмотивной лексики, а также эмотивных синтаксических конструкций является то, что, ввиду их полифункциональности, они непременно нуждаются в соответствующих интонационных моделях. Во многих случаях употребление определенного типа синтаксической конструкции недостаточно для того, чтобы судить о характере эмоций. Эту роль выполняет лексическое наполнение, а в устной речи также интонация и паравербальные средства. Эмоциональная оценка ситуации и интонационные модели взаимосвязаны. Довольно часто высказывания, которые имеют тот же лексико-грамматический состав, но разное интонационное оформление, используются для выражения различных эмоций. В реальной коммуникации, как правило, все языковые средства

выступают в единстве, дополняя друг друга и способствуя реализации коммуникативного намерения.

При помощи языковых средств задается определенный характер общения: дружеский, направленный на сотрудничество или конфликтный, направленный на конфронтацию.

Стремление к социальному одобрению побуждает говорящего выступать в роли приятного собеседника и тем самым доставлять удовольствие себе и адресату. Положительные эмоции, возникающие вследствие удовольствия, облегчают взаимодействие людей и стимулируют общение. Эмотивная лексика, большая часть которой принадлежит разговорной речи, выступает своеобразным показателем межличностных отношений коммуникантов. Она выступает маркером либо дружных, неформальных отношений, которые существуют между собеседниками, и непринужденной обстановки, либо проявлением неуважения, пренебрежения к адресату речи. Употребление грубой просторечных лексики, эксплетивов может быть ориентировано на навязывание конфликтного общения [Мац І.І. 2005, с. 116-118].

Эмоциональная коммуникация подтверждает справедливость мнения Ю.М. Караулова, что «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая языковой системой» [Караулов 1987, с. 7]. Именно в состоянии эмоционального возбуждения, в спонтанной и неконтролируемой речи языковая личность проявляется в полной мере: ее видение мира, ценностные ориентиры, представление об уместности / неуместности языковых средств. Она будто бы сбрасывает маску.

Важным фактором эмотивного дискурса является фактор адресата. Языковая личность, выражая свое эмоциональное состояние, непременно должна учитывать социальный статус реципиента сообщения, его возраст, психологические особенности (характер, темперамент и др.), уровень коммуникативной компетенции, степень близости их отношений и другие параметры. Именно ориентация на личность адресата предоставляет возможность адресанту направить коммуникативный акт в нужное ему русло, чтобы реализовать свои интенции, в частности осуществить, если есть необходимость, влияние на поведение и эмоциональное состояние адресата. Например, вызвать радость, жалость, сочувствие, шокировать, удивить, рассмешить и т.д.

Такое влияние может происходить как целенаправленно, так и ненамеренно, что связано с определенными особенностями адресата, то есть предсказать, какая будет реакция на одобрение или обиду (радость, недовольство, возмущение, страх) довольно трудно, поскольку коммуникативная ситуация включает много дополнительных аспектов.

Характер взаимодействия между коммуникантами довольно часто определяется как "эмоциональное заражение", суть которого заключается в стремлении субъекта речи вызвать у адресата эмоциональное состояние, аналогичное собственному, заставить его сопереживать.

Определяя тот факт, что реакция-ответ эмоционально будет находиться в непосредственной зависимости от эмоции, выраженной в реплике-стимуле, мы

считаем, что характер этой зависимости не предусматривает обязательного совпадения эмоций продуцента и реципиента высказывания. Так, гнев, недовольство говорящего как эмоциональная реакция на действия партнера по коммуникации предполагает вызвать в нем чувство вины, унижения, стыда [Жельвис 1990, с. 36-37].

Перлокутивный эффект определяется также ролевым статусом собеседников (начальник – подчиненный, взрослый – ребенок). Ролевые статусы могут быть не только социально, но и ситуативно обусловленными, отражая отношения между коммуникантами в данном месте и времени с учетом их эмоциональных состояний.

Дискурс в целом и эмотивный дискурс в частности следует рассматривать как форму социального действия, всегда определяемую ценностями, социальными нормами, условностями (в качестве естественных идеологий) и социальной практикой, как правило, ограниченной и находящейся под влиянием структур власти и исторических процессов. Результаты критического исследования должны представлять интерес не только для академической науки, но также иметь практическое применение среди людей, порождающих все изменения в языке, делающих его живым, а это не представляется возможным без учета обратной связи.

В заключение отметим, что эмотивный дискурс представляет собой многоаспектное явление. Коммуникативные намерения, которые воплощаются адресантами в эмотивном дискурсе, отличаются своим разнообразием в зависимости от его характера и конкретных обстоятельств протекания. Перспективным в будущем является исследование структуры этого типа дискурса, а также дальнейшее изучение коммуникативных стратегий и тактик реализации эмотивных интенций адресанта с учетом анализа обратной связи.

Литература

Арутюнян М.Ю., Петровская Л.А. Обратная связь в системе восприятия человека человеком // Психология межличностного познания / Под ред. Бодалёва А.А. – М. : Педагогика, 1981. – 342 с. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. – М. : Наука, 1985. – 229 с. *Жельвис В. И.* Эмотивный аспект речи: психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. – Ярославль : Изд-во Ярославск. гос. ун-та, 1990. – 81 с. *Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : Сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – 228 с. *Караулов Ю. М.* Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 263 с. *Костогладова Л.П.* Эмоциональная сторона речи в динамике детского дискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 6 / отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел : ОГИИК, 2008. – 410 с. *Мац І.І.* Емотивні висловлювання як складники афіліативного діалогічного дискурсу (на матеріалі сучасної американської драми) // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – 2005. № 22. – 285 с. *Носкова С.Э.* Эмотивный дискурс малых форм: семантический и прагматический аспекты : семантический и прагматический аспекты : диссертация... д-ра филол. наук : 10.02.19. – Тверь, 2006. – 326 с. *Пиотровская Л.А.* Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков). – СПб. : Российск. гос. пед.

ун-т, 1994. – 148 с. *Полюжин М. М.* О понятии языковой личности и уровнях ее структуры // С любовью к языку : Сб. науч. тр. – М. – Воронеж : ИЯ РАН, 2002. – 335 с. *Шаховский В.И., Жура В.В.* Дейксис в сфере эмоционально-речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 2002. – № 5. – С. 38-56. *Шевченко И. С., Морозова Е. И.* Дискурс как мыслекоммуникативное образование // Вісник ХНУ. – 2003. – №586. – 293 с.

МУЗИЧУК М. Ю.

(Львівський нац. ун-т ім. І.Франка)

«МІФІЧНИЙ ДІАЛОГ» У ПРОЗІ Г. Е. НОССАКА

The article focuses on conditions and principles of forming of “mythical” speech in the fiction of H. E. Nossack. We are concerned with factors that have an influence on the creation process and nature of the “mythical dialogue”.

Key words: “mythical dialog”, myth, Nossack, communicative misunderstanding.

„Häufig genannt, aber wenig gelesen“ [Jenny 1970, с. 126] – саме в такому неоднозначному ракурсі згадують ім'я одного з найважливіших представників літератури повоевної Німеччини Ганса Еріха Носсака (1901-1977). Романи Носсака захоплюють художньою майстерністю і, одночасно, дратують своєю непроглядністю. Не зважаючи на простоту мови та зрозумілість кожного слова і кожного речення, дослідники його творчості, як і літературні критики, в сум'ятті щоразу констатують «герметичність» [Bielefeld 1986, с. 3] та «езотеричність» [Lahn 2000, с. 190] Носсакової прози. Причина такої оцінки фахівців та нерозуміння з боку читачів приховується очевидно в особливій комунікативній стратегії автора при творенні «міфічної» оповіді.

«Міфічна» оповідь у прозі Г.Е. Носсака формується під впливом складної системи, яка будується на взаємодії низки оригінальних мотивів (мотив межі, граничної самотності, маски, смерті) та ключових стратегій, що їх диктує авторська модель «міфічного» зображення дійсності. Як свідчать особисті записи автора, Носсак у пошуках шляхів «по-міфічному зобразити сучасну людину» замислюється насамперед над проблемою мови і мовлення як важливого компоненту «міфічного» тексту. В одному із своїх щоденникових записів Носсак визначає свою позицію так:

Der Dialog ist naturalistisch und langweilig, wenn die Handelnden miteinander sprechen. Er ist mythisch, wenn alle Handelnden nebeneinander ein Selbstgespräch führen. Der Schnittpunkt dieser Selbstgespräche, dieses Nebeneinander-Herredens, liegt im Publikum, nicht auf der Bühne. Und das wiederum bedeutet, daß der jeweils Sprechende seine Sprache und seine sprachliche Gestik nicht auf das Verständnis seines Gesprächspartners zuschneidet, sondern so redet, wie er in einem überhöhten Alleinsein reden würde, also eben mythisch.